

Из истории лазарета для раненых воинов при Императорской Академии наук (1914–1916)*

В июле 1914 г., когда война еще не захватила Россию, в Правлении Академии наук возникла мысль о необходимости организовать лазарет для раненых воинов. Вопрос был согласован с августейшим президентом АН великим князем Константином Константиновичем. Едва 1 августа Германия объявила войну России, Академия начала приготовления к организации лазарета. Возглавил эту работу академик Н. А. Котляревский¹.

В результате предварительных расчетов было установлено, что средства, необходимые для оборудования и содержания такого лечебного учреждения, могли бы обеспечить ежемесячные пожертвования всех сотрудников Академии, если члены Конференции согласятся отчислять по 5% из своего содержания, а служащие — по 2%. Были разосланы подписные листы и почти весь личный состав Академии подписался как на пожертвование, так и на предложенный его размер², и уже в августе 1914 г. был произведен первый вычет.

Дополнительными источниками средств на устройство лазарета стали добровольные пожертвования от частных лиц, сочувствовавших академическому начинанию³; выручка от публичных лекций, которые устраивали ученые, писатели, общественные деятели⁴; помощь частных предпринимателей, торговцев и служащих, находивших свои формы участия в общем деле. Так, например, подрядчики, исполнявшие заказы для лазарета — на ремонт печных труб и каминов, установку водопровода, устройство дополнительного освещения — отказались от платы за работу и материалы⁵; аптекарь А. А. Пель уступал 30% с рецептов⁶, молочный склад поставлял молоко со скидкой 40%⁷, профессор Д. О. Отт, директор клинического повивально-гинекологического института — ближайшего к Академии медицинского учреждения — обещал соседям широкое содействие, как например, допущение стирки белья в прачечной его института, стерилизацию материалов, предоставление часовни для размещения трупов и проч.⁸

Изначально предполагалось открыть лазарет на 40 коек, которые разместить в Большом конференц-зале на втором этаже главного здания Академии наук, а смежные с ним помещения оборудовать для операционной, перевязочной, сестринской, санитарно-гигиенических и бытовых комнат. Но расчеты в отношении количества коек по ряду обстоятельств подверглись корректировке. Президент Академии на просьбу указать, какой процент из своего содержания ему угодно будет пожертвовать на лазарет, положил резолюцию: «Все мое содержание во время войны»⁹. Во исполнение этой резолюции в

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант № 14-18-00010.

¹ Сотрудница Н. А. Котляревского по Пушкинскому Дому, Е. П. Казанович, в дневнике за 1914 г. писала, что именно Нестор Александрович «зарядил» лазарет в Академии наук. Как человек увлекающийся, он перенес свою энергию на создание этого учреждения и на какое-то время даже отстранился от дел Пушкинского Дома. «Когда дело с лазаретом совсем наладилось, Правление утвердило все, что Н. А. сделал своей властью, переговорив только с одним великим князем». — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 326 (Е. П. Казанович). Д. 19. С. 66–66об. — Запись от 18 августа 1914 г.

² СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–7.

³ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 34об.

⁴ Например, 23 сентября 1914 г. газета «Новое время» писала: «В пользу лазарета АН предполагается устроить ряд публичных лекций. Лекторами выступят академики Кони, Бунин и Овсяннико-Куликовский» (СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 42).

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 8об.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 3об.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 3об., 12, 23об., 94об. и др.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

лазарете была учреждена особая койка «имени Его Императорского Высочества великого князя Константина Константиновича». Н. А. Котляревский особыми письмами оповестил почетных членов Академии об учреждении лазарета, на тот случай, если бы кто-то из них пожелал принять участие в этом благотворительном проекте. Расход на содержание одной койки определялся в размере 75 руб. в месяц. Некоторые из адресатов высказали желание финансировать в лазарете содержание одной койки (а именно 7 человек: великие князья Николай Михайлович и Георгий Михайлович, принц А. П. Ольденбургский, принцесса Е. М. Ольденбургская, городской голова столицы гр. И. И. Толстой, дипломат, член Государственного совета И. А. Зиновьев и промышленник Н. С. Мальцов)¹⁰. В Академию обратилась Петроградская караимская община, просившая учредить на ее средства сразу 15 коек¹¹, и друзья скончавшегося в октябре 1914 г. академика И. И. Янжула пожелали держать в лазарете в память о нем койку его имени¹². Таким образом, появилась возможность вместо 40 коек устроить 50, из которых 8 содержали почетные члены Академии, одну — друзья И. И. Янжула, 15 — Петроградская караимская община, а 26 коек оплачивала Академия наук¹³.

К 25 августа завершились подготовительные работы в Большом конференц-зале и прилегающих помещениях. На средства Академии были приобретены медицинские инструменты, больничная мебель и принадлежности. В Российском обществе Красного Креста новый лазарет был внесен в список лечебных учреждений РОКК под № 185 и получил поддержку в снабжении перевязочными материалами¹⁴. На должность старшего врача был приглашен А. Р. Войнич-Сяноженцкий¹⁵, обязанности старшей медсестры приняла на себя М. С. Боткина — дочь известного доктора С. П. Боткина и опытная сестра милосердия. Для ухода за ранеными Красный Крест направил в Академию наук нескольких общинных сестер милосердия. Лазарет на протяжении всего периода своей деятельности получал многочисленные предложения бесплатной медицинской помощи со стороны врачей и медсестер¹⁶.

К работе по оснащению лазарета подключились женщины — жены и дочери действительных членов и служащих Академии, ибо устроители посчитали, что заботу о постельном и носильном белье, приобретении столовой и кухонной посуды, а также о продовольствии было бы правильнее всего передать в женские руки. 29 августа собравшиеся в Малом конференц-зале дамы распределили между собою эти отрасли хозяйства лазарета¹⁷.

Ввиду скорого начала деятельности лазарета Общее собрание признало желательным поручить заведование его текущими делами особому Комитету. В состав этого Комитета было решено выбрать по три представителя от трех курий: от членов Конференции, от должностных лиц Академии и от дамского комитета, а также в состав Комитета должен был войти заведующий лазаретом врач. От Конференции сразу были избраны трое академиков — П. В. Никитин, И. П. Бородин и Н. А. Котляревский. Выборы по двум другим куриям состоялись на соответствующих собраниях 18 сентября. От дам были избраны О. Н. Стеклова, О. М. Фаминцына и В. А. Чернышева, а от служащих — В. Л. Бианки, А. Д. Руднев и И. П. Толмачев.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 11–12, 18, 19, 29, 30 и др.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 13. На прошении великий князь Константин Константинович наложил резолюцию: «Полагаю, что предложение Караимской общины следует принять с благодарностью. 7.IX.14».

¹² СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 108.

¹³ Чешское вспомогательное общество в Петрограде тоже заявило о желании содержать в лазарете Академии наук 10 именных коек с уплатой по 35 руб. в месяц, но это предложение было отклонено из тех соображений, что на долю самой Академии остался бы совсем незначительный процент коек, а увеличить число кроватей было невозможно (СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 19об.).

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 63, 93 и др.

¹⁵ Войнич-Сяноженцкий Алексей Раймундович (1859–?) — вольнопрактикующий врач. Выпускник Военно-медицинской академии, приват-доцент и библиотекарь ВМА.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–13об.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 9об.

На первом заседании Комитета 22 сентября 1914 г. его состав расширился за счет привлечения женщины-врача В. Г. Бандалиной, старшей сестры М. С. Боткиной и ответственных за различные хозяйственные посты. Председателем был выбран академик П. В. Никитин. На протяжении последующих лет на заседаниях Комитета решались все вопросы внутренней бытовой жизни лазарета.

Когда лазарет был полностью готов к приему раненых, 12 октября состоялось его торжественное освящение. На церемонии присутствовали президент, почетные и действительные члены Академии, сотрудники лазарета.

16 октября после полудня в Академию наук прибыл транспорт, доставивший первых раненых нижних чинов в количестве 31 человека, и первым в зал был внесен рядовой 17-го драгунского Нижегородского полка Степан Хмаров, занявший койку имени Августейшего президента¹⁸. На следующий день П. В. Никитин сообщал великому князю Константину Константиновичу, что доставленные раненые «были тотчас осмотрены и перевязаны. Есть несколько тяжело раненных¹⁹, производящих очень грустное впечатление. Один вчера же вечером скончался от заражения крови»²⁰. Лазарет начал свою работу.

Больных из эвакуационного распределительного пункта привозили на автомобилях, что имело свои неудобства: нежелательная для страдающих тряска и малая вместимость машин. Поскольку к осени 1914 г. вдоль Университетской набережной уже были проложены трамвайные рельсы и натянуты провода, П. В. Никитин обратился к городскому голове гр. И. И. Толстому с просьбой разрешить осуществлять подвоз раненых на трамвае²¹, и последний распорядился пропускать санитарные вагоны трамвая до самого здания Академии²².

За два года лазаретом на лечение было принято 296 человек, из них 290 хирургических, причем многие поступали как тяжелые, преимущественно с огнестрельными ранениями. Было проведено 130 операций, из них 75 больших; выписано с улучшением или полностью выздоровевшими 265 пациентов. Людские потери составили 10 человек²³.

Пациенты в основном находились на излечении по несколько месяцев, и Комитет лазарета старался различными способами заполнить их досуг. Для желающих с пользой провести время и подготовиться к жизни после войны прямо в палате устраивались различные занятия: обучение чтению, письму, арифметике и ремеслам (плетение туфель, резьба по дереву, вязание перчаток и шарфов)²⁴. Поскольку многие раненые были призваны в армию из деревни и мечтали вернуться после войны к своему наделу, помощник директора сельскохозяйственного музея П. Е. Елагин прямо в лазарете проводил для них чтения-беседы о способах доходного ведения крестьянского хозяйства, об улучшении лугов, о разработках торфа на топливо и проч.²⁵ Во дворе Академии выздоравливающим пациентам разрешалось заниматься огородничеством²⁶.

Для удовлетворения религиозных потребностей раненых лазарет посещали православный священник Александр Дубровский²⁷ и представители других конфессий — ка-

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 10а.

¹⁹ По настоянию доктора Войнича лазарет принимал не только легкораненых, но и тяжелых.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37. Л. 40.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 84.

²² СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 104.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 17; Д. 7. Л. 180об.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Л. 79, 83, 138.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 90.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 180. — Отец А. Дубровский был священником церкви при рукодельной школе княгини Белосельской-Белозерской на Крестовском острове. Комитет лазарета отмечал, что он добровольно и безвозмездно «с чрезвычайным усердием» трудился на пользу раненых лазарета (правил всенощные бдения, по различным случаям совершал молебствия, упражнял раненых в церковном пении, исповедовал и причащал их, подготовив к принятию таинств молитвами и назидательными беседами) и ходатайствовал о награждении его за труды (СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7. Л. 71). Ми-

толической, лютеранской, старообрядческой. Выздоровливающим пациентам разрешалось выходить в город, например, для посещения мечети во время мусульманских праздников или богослужений²⁸.

Раненые внимательно следили за ходом военных действий. Вслух зачитывали сообщения газет, расспрашивали о положении на передовой вновь поступавших пациентов. В Большом конференц-зале была повешена карта, на которой флажками отмечались перемещения линии фронта.

Интересовались и правовыми вопросами, возможностями получения помощи увечным воинам со стороны государства. Сотрудники лазарета оказывали своим подопечным посильную помощь: составляли запросы, прошения, наводили необходимые справки в различных комитетах по удовлетворению нужд раненых: в Комитете гр. С. А. Толя, Алексеевском комитете (по призрению детей солдат, погибших на фронте или получивших инвалидность) и проч.

Академические дамы — представительницы Комитета — занимались вопросами организации и контроля за хозяйственной деятельностью лазарета, руководили работой бельевой, кухни, составлением меню и закупкой продуктов, раздачей пищи. В 1915 г. жены и дочери академиков создали Дамский кружок, который взял на себя заботу о так называемых «увеселениях» для раненых: устройство концертов, музыкально-литературных вечеров, новогодних елок, лекций с использованием «волшебного фонаря». Проводились подобные мероприятия обычно в Малом конференц-зале. Для выздоравливающих устраивались походы в музеи²⁹, прежде всего в ближние академические — Кунсткамеру, Зоологический и Геологический музеи. При лазарете сформировалась собственная библиотека для раненых, которую составили в основном книги, пожертвованные сотрудниками Академии³⁰. Обязанности библиотекаря несла Н. А. Шахматова.

Усилиями Дамского кружка формировался и запас вещей, которыми лазарет обеспечивал пациентов при выписке: нательное белье, носки, полотенца, носовые платки, шарфы, перчатки, портянки, кисеты. Помимо одежды выдавался набор предметов первой необходимости, включавший сахар, чай, мыло, спички, папиросы, махорку, почтовую бумагу, конверты и карандаши³¹. Выписанных по мере возможности не выпускали из виду, с некоторыми из бывших пациентов устанавливалась переписка. Вернувшимся на передовую или отпущенным на родину отправляли пособия и посылки (на добровольные пожертвования членов Дамского кружка)³². Дважды посылки отправляли попавшим в германский плен³³. Старались помогать и особенно нуждающимся солдатским женам и вдовам.

За два года, разумеется, происходили изменения в штатном составе сотрудников Комитета и самого лазарета. В июне 1915 г. умер великий князь Константин Константинович и император дал согласие на переход лазарета под покровительство его вдовы, великой княгини Елисаветы Маврикиевны, а имя Константина Константиновича было сохранено в названии лазарета³⁴. В мае 1916 г. скончался академик П. В. Никитин, председатель Комитета лазарета. В Малом конференц-зале была отслужена особая панихида, на которой присутствовали сотрудники и пациенты лазарета. В Комитет был кооптирован академик М. А. Рыкачев, а новым председателем избран академик

трополит Петербургский и Ладожский наградил его набедренником (06.05.15) — СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Л. 82.

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Л. 71.

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 10, 14об.–15.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 1об.

³² СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 4об., 5.

³³ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 4об.

³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Л. 173. — С июля 1915 г. лазарет носил название «Лазарет № 185 имени великого князя Константина Константиновича для раненых воинов, состоящий под покровительством великой княгини Елисаветы Маврикиевны при Российской академии наук».

И. П. Бородин³⁵. Старшая сестра М. С. Боткина уволилась с 1 марта 1916 г., перейдя на службу в один из фронтовых медицинских отрядов³⁶. Сестер, начинавших работу в лазарете осенью 1914 г., постепенно сменяли новые. Производились рокировки и на ответственных участках, возглавляемых комитетскими дамами.

22 июля 1915 г. по Российскому обществу Красного Креста за заслуги при обстоятельствах военного времени были награждены четверо сотрудников академического лазарета: старшая сестра М. С. Боткина и штатные сестры О. Будич и В. Бернштам — серебряными грудными медалями на Аннинской ленте, а санитар И. Владимиров — серебряной медалью на Станиславской ленте³⁷. Весной 1916 г. Красный Крест представил к награждению членов Комитета П. В. Никитина и О. Н. Стеклову, но оба кандидата отказались от награды (это было принципиальное решение всех членов Комитета)³⁸.

В течение 1916 года в деятельности лазарета наблюдался явный спад напряженности: сокращалось поступление раненых, увеличивалось число пустующих коек. Из-за инфляции и быстрого роста цен на продукты и медикаменты все труднее было покрывать текущие расходы. В начале ноября Комитет принял решение о сокращении личного состава служащих лазарета³⁹, а вскоре (22 ноября) было решено для более целесообразного расходования средств временно закрыть лазарет для ремонта помещений, но с условием его немедленного открытия в случае надобности⁴⁰. Оставшихся в лазарете раненых (на 12.12.1916 таковых было всего 9 человек) перевели в лазарет № 152 имени Л. Н. Толстого, находившийся по соседству — в помещении Коллегии Императора Александра II (ВО, Университетская наб., 11). С 15 декабря 1916 г. лазарет Академии наук фактически прекратил свою деятельность.

Однако в фонд лазарета еще продолжали поступать благотворительные пожертвования. На собрании сотрудников Академии, состоявшемся 26 мая 1917 г., было принято единогласное решение совсем закрыть лазарет. Из оставшихся средств образовать капитал имени великого князя Константина Константиновича и использовать на содержание коек его имени в действующих лазаретах (прежде всего в Лазарете имени Льва Толстого)⁴¹. 14 июля 1917 г. Комитет уведомил РОКК об окончательном закрытии лазарета при Академии наук⁴².

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 214об.

³⁶ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7. Л. 75.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 52–53. — По-видимому, речь идет о медали «За усердие» — самой распространенной в наградной системе России. Награждать серебряной медалью лиц медицинского и санитарного персонала стали после 1913 г.

³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 204об.

³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 237об.

⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 239об.–240, 245об.–247.

⁴¹ СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 40.

⁴² СПбФ АРАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 44; Д. 1. Л. 82.